

Версий становилось всё больше. Будь Юй Бай рядом, наверняка ещё и похлопал бы им, да музыку включил для атмосферы.

— Ногу сломал прямо в собственном дворе? Ворота закрыты, всё целое? Да это же чертовщина какая-то!

— Неужели и правда с нечистью столкнулся?

— По-моему, это возмездие! Вчера только сироту замуж силком тащили, а ночью сын пострадал. Разве бывают такие совпадения?

— Тише... Неужто Юй Бай и правда...

Слова «губит родных» вслух никто не произнёс, но по взглядам было ясно, о чём все подумали.

Лекаря Ли привели в спешке. Осмотрев Юй Сяобао, он нахмурился.

— Лекарь Ли, как мой сын? Нога... — тревожно спросил Юй Эрчжу.

Лекарь погладил бороду и после паузы ответил:

— Кость сломана. Сложить можно, но в будущем, боюсь, останется хромота. А в обмороке он, похоже, от сильнейшего испуга — кровь и ци пошли вразлад. Вы... ночью ничего не слышали?

Юй Эрчжу и Ван-ши переглянулись и начали невнятно мямлить.

Что им сказать? Что подозревают призрака или самого Юй Бая? В первом случае люди решат, что у них совесть нечиста, а во втором даже им самим обвинение казалось нелепым и совершенно бездоказательным.

Новость будто отрастила крылья. За одно утро она разлетелась по всем углам деревни Таоси.

— Слышали? У Юй Эрчжу его драгоценный сыночек прошлой ночью прямо у себя во дворе ни с того ни с сего ногу сломал!

— Правда? Как умудрился?

— Вот в том и дело — жуть! Ворота не открывали, стену никто не ломал, а он лежит во дворе с переломом, ещё и без сознания!

— Небеса... Это ведь не...

— А что ещё? Наверняка старший Юй с супругом духами вернулись! Увидели, как их ребёнка обижают, и вмешались!

— Не уверен. Вы забыли, каким вчера был Юй Бай? Одним взглядом до смерти напугать может! По-моему, тут...

— Думаешь, это Юй Бай? Да как? Он же гэ-эр. Как бы он попал к ним во двор?

— Вот потому и говорят, что он «родных губит»! Судьба жёсткая, злая сила за ним ходит, кто приблизится — с тем беда. Семья Юй Эрчжу сама к нему полезла, вот и получила!

Слухи менялись по мере распространения. Сначала говорили о нечистой силе и возмездии, но постепенно внимание всё сильнее сосредоточивалось на Юй Бае. «Сошёл с ума», «злой дух», «губит родных» — эти слова повторяли снова и снова, создавая пугающий образ.

Кто-то клялся, что вчера своими глазами видел у Юй Бая взгляд, совсем не похожий на человеческий. Другой таинственно рассказывал, будто во время похорон его родителей происходили странные явления. Нашлись даже люди, начавшие припоминать, не случилось ли чего необычного в день рождения Юй Бая.

В сердцах части жителей росли страх и отторжение. Они запрещали детям приближаться к тому двору, а проходя мимо, сами ускоряли шаг, словно внутри жил не одинокий гэ-эр-сирота, а страшное чудовище.

Конечно, оставались и такие, как староста Чжао Дашань и соседка тётушка Ли, которые понимали ситуацию и сочувствовали Юй Баю. Но на фоне разрастающихся слухов их голоса пока тонули.

Сам Юй Бай проснулся вскоре после рассвета.

Будто ничего не случилось, поднялся, сладко потянулся. Давно он так хорошо не спал.

Потом набрал воды, нагрел, умылся, достал из пространства немного риса, смешал с дикой зеленью с заднего двора и сварил жидкую рисовую кашу.

Снаружи доносились приглушённые разговоры. Юй Бай выхватил несколько ключевых слов и насмешливо усмехнулся.

— Сумасшедший? Гублю родных? Ха, даже лучше.

Он не спеша ел кашу, чувствуя, как тёплая еда скользит по горлу в пустой желудок.

В апокалипсисе репутация человека, к которому лучше не лезть, часто защищала надёжнее, чем доброта и слабость.

Конечно, в эпоху, где доброе имя ценили чуть ли не выше жизни, дурная репутация могла оказаться страшнее смерти.

Но Юй Баю было всё равно, называют ли его сумасшедшим и приносящим беды. Наоборот, такие слухи становились лучшей защитной окраской: прежде чем полезть к нему, всякие жадные твари хотя бы сначала оценят собственные силы.

Для сироты хорошая репутация порой приносит больше неприятностей — каждый считает, что такого можно безнаказанно прижать. А когда вокруг тебя дурная слава, желающих связываться резко меньше.

Правда? Никому он ничего объяснять не обязан. Кроважидная лоза — его главная тайна, и раскрывать её нельзя. Юй Сяобао сам полез воровать и сам получил перелом. Совесть Юй Бая была совершенно чиста.

Он даже представлял, как сейчас мучаются от злости и страха Юй Эрчжу с женой: знают, что за всем стоит он, а доказательств нет. Более того, если станут жаловаться, им всё равно никто не поверит — только ещё сильнее укрепят славу Юй Бая как «нечистого».

— Проглотили горечь и пожаловаться не могут, — с удовольствием подумал Юй Бай, поставив миску. — Приятное чувство.

Он подошёл к окну и посмотрел на светлеющее небо, на цепь гор, проступавших в утреннем тумане.

Раз уж он попал в эту деревню и на эту землю, значит, здесь и пустит корни.

Ну и что, если репутация плохая? Жить — и жить в своё удовольствие — вот что важно.

Юй Бай повернулся и стал прикидывать планы на день. Двор прибрать? Вчера уже прибрал.

Лучше первым делом найти дядю-старосту и переоформить документы на дом и землю. Это срочнее.

Домовая и земельная грамоты, оставленные родителями прежнего хозяина тела, должны как можно скорее перейти на его имя. Когда право оформлено официально, спорить гораздо сложнее. Иначе мерзкие родственнички ещё наверняка попытаются воспользоваться

бумагами.

Юй Бай велел Кровожадной лозе сторожить дом, запер ворота и отправился к старосте.

В февральском утреннем воздухе чувствовался морозный иней. Но солнце светило ярко и ложилось на извилистые земляные дорожки деревни.

Дом Юй Бая стоял в средней части Таоси, ближе к подножию горы, а дом старосты Чжао Дашаня — на восточном краю, немного выше. Пешком туда было примерно столько, сколько горит одна палочка благовоний.

Чтобы попасть на восточный край, надо было пройти через центральную площадку для сушки зерна.

Это было самое открытое место Таоси — ровная площадка из утрамбованной жёлтой земли, где сушили урожай и устраивали общие деревенские мероприятия.

Сейчас под огромным старым софорой у края площадки уже сидели несколько рано вставших женщин и фуланов, беседуя о последних новостях.

Вокруг дерева стояли семь или восемь гладко отполированных каменных тумб. Место давно превратилось в негласный деревенский «центр обмена информацией».

Стоило Юй Баю появиться у края площадки, как шёпот под деревом будто перерезали ножом.

Все взгляды — открытые и украдкой, любопытные и испуганные — разом устремились к нему.

Утром все уже услышали странную историю о сломанной ноге. Теперь, увидев самого героя слухов, люди сперва замерли: этот гэ-эр Юй будто стал гораздо красивее.

Но страх оказался сильнее впечатления от внешности, и многие невольно задержали дыхание.

Несколько детей, только что носившихся вокруг, взрослые быстро схватили и притянули к себе, тихо и строго что-то предупредив. Дети тут же притихли. Большими чёрными глазами они с опаской и любопытством разглядывали очень красивого старшего брата, о котором говорили, что он «сошёл с ума» и «приносит несчастья».

<http://bllate.org/book/19010/1867553>